

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Г.И. Лукьянов, В.Н. Игнатов

ОТНОШЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОШЛОМУ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье в социально-философском аспекте рассматривается феномен социокультурной идентичности и механизмы ее формирования как у индивидов и отдельных социальных групп, так и у всего национально-государственного сообщества в целом. Описаны пути и способы поиска новой идентичности в усложняющемся глобализирующемся мире, которая в максимальной степени должна быть положительной и соответствовать как внутренним культурным требованиям общности, так и внешним социальным или культурным вызовам. Анализ указанных процессов показывает, что в стремительном водовороте современных информационных потоков, смены экономических, политических и духовных ориентиров обращение к историческому прошлому может способствовать обретению контуров устойчивой социокультурной идентичности.

Ключевые слова: философия, идентичность, прошлое, фрагментация, личность, субъект, история, сознание, коммуникация, постсовременность.

Обращенность исторического сознания к прошлому является одним из факторов, детерминирующих динамику социальной солидарности. Исторический опыт может выступить как цементирующая основа жизнеспособного общества. Согласованность, скоординированность между элементами общества, устойчивая коммуникация между индивидуальными членами групп ведет к устойчивому росту солидарности. В свою очередь, солидарность в обществе связана с феноменом национальной, социальной и культурной идентичности. Идентичность выступает прежде всего как эмоциональное самоотождествление субъекта с определенной этнокультурной социальной общностью или группой, опознание других личностей как «своих» по совокупности каких-либо социальных черт, наконец как признание их тождественности себе. Таким образом, идентичность выступает как феномен, который возникает из взаимосвязи индивида и социума. Проблема идентичности начала рассматриваться более ста лет назад американским мыслителем Уильямом Джеймсом, который показал, что человек мыслит

о себе в двух срезах, в двух аспектах, благодаря чему появляются два типа идентичности: в индивидуальном разрезе происходит личностное самоотождествление, тогда как в общественном аспекте создается разнообразие социальных Я-образов индивидов¹. С тех пор проблема идентичности является одной из проблем, которые исследуются такими науками как психология, социология и, конечно же, социальная философия, причем если у Джеймса используется понятие «два аспекта Я», то в современном социально-гуманитарном знании рассматриваются два вида идентичности — личностная идентичность и социальная идентичность.

«Социальная идентичность, — подчеркивает отечественная исследовательница Г.М. Андреева, — это в гораздо большей степени соотнесение Я с группой, не что иное как способ организации для данного индивида его представлений о себе и о группе, к которой он принадлежит. Справедлива также и мысль о том, что социальная идентичность это скорее то, что индивид делает с его пози-

¹ Джеймс У. Психология. М., 1991.

ции в социальной структуре, которая определяет его идентичность, чем то, что он думает о месте в этой структуре»². Важность идентичности состоит в том, что она определяет поведение отдельного человека. При этом отдельный человек может приобретать идентичность и «переидентифицироваться» только в группах.

Идентичность выступает как ориентация сознания индивида или группы на реальность, причем не только на реальность настоящего, но и на реальность прошедшего, реальность исторического. Так, для социального субъекта существенна реальность, измерение которой располагает наиболее сильной и наиболее долговременной индивидуально-субъективной релевантностью для всех социальных субъектов. Поэтому процесс взаимодействия «восприятия реальности» и «самой реальности» воздействует на индивида непосредственно и интенсивно. Устойчивость социальной системы определенного общества возможна не только благодаря полноценному функционированию экономики, политики, права. Идентичность является одним из факторов стабильности той сферы жизни, которую Т. Парсонс характеризовал как «социетальная подсистема общества».

Очевидно, что анализ знаний о прошлом способствует процессу социальной идентификации, благодаря которому индивид, социальная общность или группа помещает себя в ту или иную социальных категорию, предписывают себе тот или иной общественный статус, ранг, уровень. В результате происходит социальное отождествление индивида или какой-либо социальной общности или группы и формируется социальная идентичность как таковая.

П. Бергер и Т. Лукман указывают на то, что идентичность формируется в рамках социальных процессов. Сложившись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Данные социальные процессы, формирующие идентичность, детерминированы социальной структурой. А сформированная и отрефлексирующая идентичность как результат взаимодействия индивидуального сознания и социальной структуры затем оказывается способной реагировать на данную социальную структуру. Это может выражаться в поддержке, модификации или даже модифика-

ции данной структуры. Специфические идентичности возникают в процессе истории, которую творят люди, наделенные специфическими идентичностями³.

Феномен социальной идентичности является многогранным и неисчерпаемым объектом для исследования социальной философией. Как таковые, типы идентичности представляют собой некую область теоретизирования в любом социуме, даже в том, где эти различные формы идентичности стабильны. И даже там, где формирование индивидуальной идентичности проходит без особых проблем. Как правило, концепции идентичности включаются в более общую схему интерпретации реальности. Они встраиваются в структуру символического мира с его умозрительными легитимациями и трансформируются вместе с сущностью последних. Невзирая на множество видов индивидуальных идентичностей, можно выделить следующие источники самоидентификации.

Во-первых, аскриптивные источники, которые связаны с непосредственным происхождением половозрастными и биологическими (например, этническими) характеристиками. *Во-вторых*, культурные источники (такие как клановая, языковая, этнокультурная, конфессиональная, цивилизационная принадлежности), в значительной степени связанные с формированием духовного пространства личности, а также социальной общности и группы. *В-третьих*, территориально-географические источники самоидентификации, в числе которых можно перечислить ближайшее окружение, тип поселения, регион, климатическую зону, континент, и даже полушарие. *В-четвертых*, отношение к власти, формы ее распределения и реализации (влияние, авторитет, доступ к силовым ресурсам), фракционная и партийная принадлежности, верность лидеру, группы интересов, идеология, наконец, интересы государства, составляют политические источники самоидентификации. *В-пятых*, экономические источники — работа, профессия, должность, уровень потребления, рабочее окружение, отношение к собственности, отрасли производства, производственные и непроизводственные секторы, профсоюзы, классы, национальные экономики. Наконец, следует вспомнить о *социальных источ-*

² Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 153.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 279-280.

никах самоидентификации, связанных с коммуникационными процессами в обществе — друзья, клубы, команды, коллеги, компании для досуга, престиж, социальный статус.

Идентичности пересекаются как в пределах одной группы, так и между различными группами. «Любой индивид неминуемо окажется вовлеченным во множество перечисленных выше группировок, — пишет С. Хантингтон, — но из этого вовсе не следует, что они тем самым станут для него источниками идентичности... Кроме того, взаимоотношения идентичностей достаточно сложны. Когда идентичности сопоставимы в абстрактном смысле, но способны порой, как это бывает с семейными и рабочими идентичностями, налагать на человека противоречивые обязательства, — мы говорим о дифференцированных идентичностях. Другие идентичности, например, территориальные или культурные, являются иерархическими по своей сути. Широкие идентичности включают в себя идентичности узкие, при этом последние могут конфликтовать со «старшими» — скажем, человек, отождествляющий себя с провинцией, отнюдь не обязательно отождествляет себя со страной»⁴.

Уточним, что ряд идентичностей одного и того же типа могут и не быть «всеобъемлющими», и в качестве примера можно указать на двойное гражданство, когда человек является, скажем, гражданином России и Израиля. Показательно, что в данном случае выбор гражданства связан с двойной идентичностью, а, вернее с двумя идентичностями, когда культурные и аскриптивные источники самоидентификации переплетаются с политическим и социальными источниками.

Отметим также такие характеристики идентичности как степень интенсивности ее проявления и масштаб. Например, практически каждый человек имеет ту или иную конфессиональную идентичность. Однако степень проявления ее интенсивности в значительной мере связана как с историческим прошлым общества и группы, так и с социокультурными факторами настоящего. Например, в арабском мире степень интенсивности исламской религиозной идентичности заметно выше, чем степень интенсивности православной религиозной идентичности в России.

Масштабы и значимость самоидентификации также могут варьироваться в значительной степени. Так, люди интенсивнее отождествляют себя с семьей, чем с той или иной политической партией (хотя в период сильной политизации и идеологизации общества может быть и наоборот, пример тому — гражданские войны, когда зачастую брат шел на брата).

Масштабы идентификации также зависят от типа общества, социального уклада: в традиционном обществе идентичности, имеющие аскриптивные и культурные источники, более значительны, чем идентичности, базирующиеся на социальных основаниях. Более того, значимости идентичностей всех типов варьируется под влиянием взаимодействия индивида или группы с окружающей средой и соприкосновения с информационными ресурсами, а также возможностью ими распоряжаться. Если учитывать, что информация — это почти всегда обращение к прошлому и осмысление прошлого, то очевидно, что историческое сознание, значимость идентичностей есть функция многих переменных, в том числе и исторического сознания. Ограниченные и обширные идентичности в рамках одной иерархии могут усиливать, тактиковать друг друга или, наоборот, конфликтовать друг с другом. Этот конфликт может вносить дисгармонию в отношения между членами группы. Наоборот, чем более интенсивно члены группы отождествляют себя с другими индивидами из своей группы, тем выше групповая солидарность и тем больших успехов в своей деятельности может добиться как социальная общность, так и отдельный человек.

В условиях бурных социальных изменений идентичность становится социально-онтологической предпосылкой как для полноценного существования социальной общности или группы в целом, так и для каждого члена этой общности или группы в отдельности. Г. М. Андреева пишет: «Для человека всегда характерно стремление сохранить социальную идентичность, причем позитивную, и тем самым обеспечить соответствие, гармонию образа социального Я. В этом случае и мир будет восприниматься как сбалансированный, находящийся в «соответствии». Если же возникает дисгармония собственного образа и окружающего мира, то это препятствует адекватному поведению в этом мире, а сам образ социального мира начинает разрушаться. Так, в условиях радикальных социальных преобразований и часто

⁴ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ. Транзиткнига, 2004. С. 59.

сопутствующей им нестабильности общества возникает кризис идентичности»⁵.

Кризис социокультурной идентичности можно охарактеризовать как особенное состояние массового сознания, а вместе с тем и состояние каждого члена общности, когда большинство социальных понятий и терминов, посредством которых человек определял себя, свое место в социальном мире и ранжировал компоненты общественной системы вокруг себя, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. Одновременно происходит и переоценка своей группы принадлежности, и своего места в ней, а как результат — переоценка и самой ситуации в обществе в целом. Человек, общность ищут свою новую идентичность, причем она должно быть по своему характеру положительной. В условиях глобальных и цивилизационных вызовов современности практически всегда поиски новых контуров идентичности происходят в прошлом, в истории. Очевидно, что для обществ, только становящихся на путь модернизации, прошлое становится в определенном смысле спасательным кругом, который поддерживает общность и даже все общество в бурном водовороте изменений.

Общности необходима положительная идентичность, так как ее утрата не только дезорганизует жизненный мир личности, но и, как правило, приводит и к дезорганизации всей социальной общности в целом. При этом формирование позитивной идентичности предполагает сопоставление своей общности с другими позитивными общностями, а также с общностями, которые воспринимаются как негативные. Давая определенную сбалансированность суждений обо всем социуме, такая операция сравнения все же несовершенна по своему механизму. Так, образ Соединенных Штатов Америки для Востока стал образом негативной идентичности, тогда как исламский фундаментализм резко отрицательно воспринимается на Западе.

При крайне отрицательном восприятии индивидом собственной группы, у него неизбежно возникает желание покинуть эту группу и сменить ее на другую, а также стремление сменить идентичность. Это в определенной мере справедливо и для социальных групп, которые переориентируются с одних более крупные социальных общностей

на другие, трансформируя свою идентичность. Однако идентичность группы менее гибкая, чем индивидуальная идентичность, поскольку она сконфигурирована и структурирована по определенным параметрам.

Все же идентичности ряда этносов в современном глобализируемом обществе являются «дрейфующими». В качестве таких этносов можно означить «дрейфующие» этносы и государства Европы и части постсоветского пространства (наиболее ярким примером является современная Грузия и Украина). Также в современной российской действительности этому можно найти сколько угодно много примеров. Но пример Украины особо показателен.

Во-первых, если учитывать, что идентичности в общем и целом представляют собой конструкторы, и люди занимаются конструированием идентичности по желанию, по необходимости или по принуждению, то, например, украинская идентичность представляет собой один из примеров такого конструктора. Одним из факторов создания идентичности как конструктора является обращение к прошлому, но прошлое многолико и вопрос состоит в том, какие исторические факты наиболее «удобны» для конструирования идентичности. Так, еще в середине 90-х годов прошлого столетия генеалогия украинской государственности, а вслед за ней и идентичности напрямую связывалась с Киевской Русью. Причем эта точка зрения стала базовой при изучении истории в украинских школах.

Во-вторых, если не считать пола и возраста, то люди относительно свободны в определении своей идентичности. (Да, в общем-то, уровень развития современной медицины и косметологии, в принципе, позволяет сменить пол и бороться с возрастными изменениями.) Культурно-историческая наследственность является незыблемой онтологической основой формирования индивидуальной и групповой идентичности, но от нее можно оторваться или игнорировать ее. Так, запад и восток (вместе с югом) Украины представляют собой общества, основанные на совершенно разных идентичностях. Чтобы не быть обвиненными в бездоказательности нашего тезиса, обратимся к мнению С. Хантингтона: «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий. В различ-

⁵ Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 156.

ные моменты прошлого западная Украина была частью Польши, Литвы и Австро-Венгерской империи. Значительная часть ее населения является приверженцами униатской церкви, которая совершает православные обряды, но признает власть Папы Римского. Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны, было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски⁶. Заметим, что фактически украинский язык сформировался лишь в течение последних двухсот лет, а в остальном Хантингтон прав. Заметим также, что фактически при конструировании государственно-национальной идентичности игнорируются особенности западной и восточной Украины, то есть игнорируется историческое прошлое этих регионов. Иными словами, не только обращение к прошлому, но и его игнорирование может стать источником создания идентичности любого рода (кроме, пожалуй, аскриптивной идентичности).

С первого взгляда может показаться, что для постсовременного общества, которое все больше технизируется и рационализируется, парадоксальным является возрастание влияния фактора идентичности на социальные процессы. Ведь идентичность выступает и как знание индивида о том, что он принадлежит к определенной группе, и как эмоциональная значимость для него группового членства.

Но в действительности ничего парадоксального здесь нет. С первого взгляда кажется, что повышенная эмоциональность, аффективность характерна больше для традиционного общества, чем, скажем, для постсовременного социума. И тогда значение фактора идентичности в ходе исторического процесса должно убывать. Однако этого не происходит. Более того, в условиях постсовременного общества, с царящей в нем фрагментарностью и разорванностью сознания (как на личностном, так и на социальном уровне), идентичность выступает одним из системообразующих факторов динамики современного социума.

Причем идентичность в постсовременном обществе также чрезвычайно динамична, на

что обратил внимание С. Хантингтон: «Модернизация, прорывы в экономическом развитии, урбанизация и глобализация привели к тому, что люди были попросту вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить ее рамки, превратить ее в нечто более камерное, более интимное. Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история»⁷. Несложно увидеть, что процесс «пере-идентификации» связан с факторами современной социальной динамики, но во многом он базируется на обращении к прошлому. Прошлое становится условием поддержания идентичности в настоящем.

Однако многоликость прошлого, способствуя своеобразной «фрагментация идентичности», что соответствует общему курсу на фрагментацию социокультурных условий существования современного человека. Так, в США эта указанная фрагментация идентичности проявилась во взлете мультикультурализма, в четкой разделении расового, «кровного» и гендерного сознания.

Во многих уголках планеты фрагментация приобрела крайнюю форму субнациональных движений за политическое признание, автономию и независимость. Одна из причин этого — тени прошлого. Даже в интегрированной Европе, в такой, казалось бы, статичной ее части как Западная Европа фрагментация идентичности на государственном и национальном уровнях набирает силу. Так, в современной Испании Каталония является автономной провинцией, обладающей значительной культурной самостоятельностью и административным самоуправлением. История самостоятельности Каталонии насчитывает более тысячи лет, когда упадок власти Каролингов позволил каталонским графам около 998 г. заявить о своей независимости от Франкского государства. Каталонское влияние распространяется на юг Франции, Сицилию и даже на часть Греции. Позднее Каталония объединяется с Арагоном и ее экономической и политическое значение в объединении Испании

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. С. 255.

⁷ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 37.

уменьшается. Но с середины XVII в. в Каталонии появляются сепаратистские настроения. Позднее, в 1833 г., в Испании было введено новое административное деление, Каталония как единая территория перестала существовать, что вызвало новую волну восстаний. В 1932 г. испанские учредительные кортесы приняли закон об автономном статусе Каталонии, по которому в ноябре 1932 г. был избран каталонский парламент, сформировано собственное правительство. Победа Франко привела к фактической отмене автономии провинции, подавлению национального движения. Во второй половине XX в. началось возрождение каталонской культуры. После смерти Франко в 1977 г. Каталония получила ограниченную автономию, с 1979 г. в ней появились президент и парламент. Сейчас в определенной мере из-за вызывающего поведения ряда местных политиков, в определенной мере из-за значительной экономической важности Барселоны для набирающих силу национальных экономик Европейского Союза происходит глубокая политическая трансформация каталонской идентичности от этнической к квазинациональной.

Конечно, объективные причины и предпосылки к регионализации Каталонии существуют, но в большей степени эти причины имеют субъективный характер, где значительную роль играет феномен обращения к прошлому, к более чем тысячелетней истории Каталонии. В результате современная каталонская идентичность фактически стоит на распутье: некоторые утверждают, что необходимо стремиться к независимости вплоть до обретения территориального суверенитета, другие желают превзойти Квебек и достичь больших политических прав от Мадрида, а третьи хотят быть членами объединенной Европы, достигнув большей языковой и территориальной автономии.

Мы не случайно столь подробно рассмотрели пример Каталонии, так как на его примере видна динамика формирования идентичности. Очевидно, что такие объективные факторы динамики идентичности как компактная территория, жизнеспособность культуры социума и группы, а также общий язык играют значительную роль в формировании идентичности, однако динамика идентичности в большей степени связана с субъективными факторами, среди которых, по нашему мнению, занимает оценка прошлого. Иначе говоря, динамика

идентичности связана в большей степени с субъективной оценкой исторических процессов и действительной их значимостью для истории существования той или иной социальной группы, той или иной социальной общности, которая поддерживает границы собственной идентичности, расширяя сферу своего влияния в рамках социальной системы. Очевидно, что восприятие собственной принадлежности к некоей группе, самоидентификация может возникать и меняться в ходе также политической борьбы и военных действий.

С. Бенхабиб использует термин групповая идентичность, подразумевая под ним социокультурные идентичности общностей, официально признаваемые государством и его институтами. Она утверждает, что «особенно важны отношения между идентичностями групп, основанными на личностном опыте их членов в области языка, пола, расы этничности, религии и культуры, с одной стороны, и формами групповой идентичности, признаваемыми государством и его институтами в качестве юридических или квазюридических коллективных лиц, что дает их членам определенные права и привилегии, с другой»⁸. Данную разницу необходимо рассматривать, в связи с тем, что присутствует мнение о сущностном значении гендерных, культурных, языковых, этнических и религиозных различий для политической ангажированности идентичностей. Также ряд исследователей полагает, что именно государству и его институтам необходимо обеспечить социальное признание таким различиям, выделив на это часть ресурсов общества и рассматривая эти различия в качестве основы официально учрежденных форм общей идентичности. Несомненным и безусловным является то, что здесь исключительно важно проанализировать институциональный и, в особенности, исторический контекст формирования этих идентичностей.

Так, Мишель Фуко в своем трехтомном труде «История сексуальности» рассмотрел культурно-исторические факторы формирования сексуального поведения и обстоятельства создания определенных сексуальных и гендерных идентичностей, которые повлияли на европейский менталитет и создание идентичности по-

⁸ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ., под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос. 2003. 350 с. С. 86.

литической. Фуко недоумевает: каким образом мы пришли к тому, что чувствуем вину за свою сексуальную природу, чем эта вина вызвана и какими путями развивалась? В отличие от китайского, японского, индийского, арабо-мусульманского и ряда других обществ, которые оснастили себя неким искусством эротики, и где удовольствие автоматически становится «истиной», формируя таким образом опыт в социальные практики, западная цивилизация является настолько уникальной, что говорит себе о самой себе, как долго она жила «во грехе», и продолжает «грешить» и сегодня. Хотя сегодня, по мнению Фуко, появилась рефлексия данных процессов, что дает надежду на избавление от чувства вины и понимание сексуальности как греха.

Также Фуко утверждает, что европейская цивилизация практически единственная, «которая для того, чтобы говорить истину о сексе, развернула на протяжении столетий процедуры, упорядоченные главным образом особой формой власти-знания, прямо противоположной искусству посвящений и хранимой учителем тайне: речь идет о признании. Эволюция слова «признание» и правовой функции, им обозначаемой, сама по себе показательна: от «признания» как гарантии статуса, идентичности и ценности, придаваемой одному лицу другим, перешли к «признанию» как признанию кого-то в своих собственных действиях и мыслях. Долгое время аутентичность индивида устанавливалась через удостоверение другими и через манифестацию его связи с другими (семья, вассальная зависимость, покровительство); затем аутентичность стала устанавливаться через истинный дискурс, который индивид был способен или был обязан произносить о себе самом. Признание истины вписалось в самое сердце процедур индивидуализации, осуществляемых властью»⁹.

Таким образом, западная цивилизационная идентичность, как показал Фуко, основана на принципе рационализма, и этот рационализм стал главным истоком формирования большинства широких и узких идентичностей: от особой формы религиозного мировоззрения — протестантизма до идей всеобщей государственной целостности. То есть стремление

к универсализму перерастает к стремлению к холизму, а из него появляется тоталитаризм. И холизм, и тоталитарность становятся базой для тотальной универсализации мира в процессе глобализации.

Итак, создание нового социального порядка в условиях постсовременности не привело к появлению суверенного индивида, так как технизация повлияла на формирование особого типа идентичностей, трансформирующих взаимоотношения индивида и коллективных групп с окружающей средой. Тем не менее, новый тоталитарный порядок, в противоположность ожиданиям многочисленных мыслителей вовсе не означает возвращение к организации холистского типа: он представляет собой образование чего-то даже не постсовременного, а ультрамодернистского, а именно, производство коллективной идентичности в совокупности с ее представлениями, подобными представлениям о «классовой борьбе» или «расовой борьбе», отрицающими эту идентичность. По всей видимости, новый порядок будет основан на мультикультурализме перемешанном с государственным, правовым, политическим и экономическим универсализмом.

В условиях разрушения традиций, социальных укладов и общественных устоев, наблюдаемом в постсовременном обществе, обращение к социально-онтологическим и социокультурным истокам социальных общностей является не только логичным и социально обоснованным, но и экзистенциально необходимым. В связи с этим очевидно, что в дальнейшем с усложнением социальной картины и размытостью контуров постсовременного общества значение фактора обращения к прошлому будет возрастать, и осмысление исторического процесса на уровне обыденного сознания будет играть более значительную роль в процессах формирования как групповых, так и личностных идентичностей социальных субъектов. Вызовы постсовременности все более глобальны и конкретны, пути же ответа на них всегда неопределенны и противоречивы, но именно историческое прошлое может стать истоком поиска снятия противоречий, в том числе и при формировании социальной идентичности, выступающей в качестве одного из социокультурных стержней общества.

⁹ Фуко М. Воля к знанию // Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 156-157.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ., под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. Джеймс У. Психология. М., 1991.
5. Фуко М. Воля к знанию // Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996.
6. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.

References (transliteration):

1. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya. M.: Aspekt Press, 1997.
2. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuyu eru / Per. s angl., pod red. V.I. Inozemtseva. M.: Logos, 2003. 350 s.
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995.
4. Dzheyms U. Psikhologiya. M., 1991.
5. Fuko M. Volya k znaniyu // Fuko Mishel'. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / Per. s frants. M.: Kastal', 1996.
6. Khantington S. Kto my?: Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti / Per. s angl. A. Bashkirova. M.: AST, Tranzitkniga, 2004.
7. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy / S. Khantington; Per. s angl. T. Velimeeva, Yu. Novikova. M.: AST, 2003.